

Андрей Львович Ливадный Колония

Аннотация

*Тридцать миллионов лет —
немыслимый срок для землян,
осваивающих Марс. И краткий миг для
андроида, пролежавшего все это время
в консервационной камере по воле
могущественных врагов с давно
погибшей планеты. Две эпохи, две
цивилизации разделенные пропастью
веков, — и такие схожие проблемы.*

Пролог.

Коричнево-желтые пустыни Марса.
Он не забудет их никогда.
Каменистые проплешины бурой,
местами потрескавшейся почвы
сменяются здесь пятнами желтого

песка, который может скрывать под своей толщей впадины глубиной в десятки метров. Техника на глазах проваливалась в них, за считанные секунды уходя в сыпучую пучину.

Этого не забыть, как не избавиться от непередаваемого ощущения одури, не отпускавшего с момента пробуждения от искусственного сна, и засевшего в подсознании чувства глобального одиночества, вызванного мыслью о семидесяти миллионах километров пустоты, что лежат между двумя планетами... А впереди ждет сама неизвестность в ее натуральном, практически безнадежном виде.

Вспышка...

Дымящиеся комья оранжевого суглинка разлетаются в стороны, оставляя за собой сизые шлейфы, осколки с ноющим визгом уходят на излете. Дымчатый светофильтр

гермошлема не может полностью защитить глаза, они на миг слепнут, и ты внезапно ощущаешь себя вне времени, — оно перестает существовать, словно близкая серия разрывов погружает разум в иной, субъективный темпоральный поток, который едва течет по сравнению с реальным бегом секунд...

Автоматика боевого скафандра еще работает, несмотря на истощение автономного ресурса и множественные осколочные попадания, повредившие часть внешних датчиков... В коммуникаторе шлема бьются звуки, но разум, истощенный боевыми стимуляторами, уже не воспринимает их как неразрывный информационный поток, а прихотливо ловит отдельные проявления боя, так же, как взгляд, мутный от перенапряжения и усталости, своенравно концентрируется

на фрагментах порванной дымными шлейфами мозаике событий.

Сердце глухо бьется в груди, и каждый его удар отдаёт в виски горячей пульсацией крови.

Ничего удивительного: система жизнеобеспечения израсходовала весь запас боевых препаратов, и чуткая автоматика уже не может реагировать на выбросы адреналина — ей нечем сглаживать пиковые перегрузки моментальных стрессов, и на первый план вдруг выходит иная ткань ощущений — незнакомая, но древняя, как мир.

Так воевали в прошлом, когда между бойцом и реальностью не стояли системы метаболического контроля, нивелирующие чувства, поддерживающие разум в состоянии искусственного хладнокровия...

Приземистые постройки населенного

пункта приближаются слишком медленно: автономный энергоресурс боевого скафандра почти исчерпан, индикаторы напряжения тлеют злобными красными огоньками, и сервоприводы усилителей мускулатуры работают лишь на тридцати процентах мощности.

Боевая экипировка весит четыреста килограммов, и при таком раскладе двигаться неимоверно тяжело, ноги глубоко вязнут в бурой грязи, а усилившийся дождь, будто в издевку, хлещет косыми струями; блеклая электростатическая полоска, периодически пробегающая по забралу гермошлема, уже не успевает смахивать капли воды, и они змеятся прихотливыми зигзагами, скользя по выпуклому бронепластику...

Смерть продолжает свой неистовый танец, но шум проливного дождя

кажется громче, чем ватный рокот разрывов и басовитые, ритмичные стаккато бьющих со стороны поселка автоматических орудий.

Мысль о жизни и смерти уже не тревожит разум, прежние чувства глохнут, оставляя лишь одно стремление — двигаться вперед, навстречу частым стробоскопическим вспышкам огня. Это не хладнокровие и даже не отрешенность, а неведомое ранее, крайнее состояние рассудка, когда все самое страшное уже произошло, и любые переживания становятся смехотворными на фоне той ритмики боя, что не отпускает измученный рассудок...

Вспышка...

Зрительный нерв уже не реагирует на яростный всплеск огня, лишь сервомоторы боевого скафандра на миг меняют тональность, звук их работы

становится резче, когда механические мускулы экипировки выходят в иной темп, компенсируя ударную волну...

Резкий поворот головы, беглый взгляд по сторонам. Внимание внезапно концентрируется на бегущей рядом фигуре, закованной в темную, испачканную грязью броню, а близкий грохот разрыва заставляет взгляд сорваться с крохотного оперативного окна тактической системы, мгновенно переключаясь на иное, более информативное и страшное восприятие событий.

Внезапно ожившее автоматическое оружие, скрытое среди недавних лесопосадок, ударило фактически в упор, и миг объективного времени вновь начал растягиваться в вечность, словно разум в очередной раз спонтанно вышел на невероятную остроту восприятия: скорость мысли

опережала реальный ритм событий, наглядно доказывая, что разговоры о потенциальных возможностях человеческого мозга — отнюдь не миф...

Он зримо воспринимал инверсионный след, возникающий при движении снарядов, — воздух терял прозрачность в зонах турбулентности, — однако мутные линии, прочертившие дождливую хмарь, были лишь мимолетной тенью наступившего потрясения...

Тугая очередь ударила в бегущую невдалеке фигуру, и он отчетливо увидел, как ломается броня, разлетается искрящимися брызгами осколков забрало гермошлема, из разорванных шлангов бронескафандра вдруг начинает извергаться вязкая струя маслянистой жидкости, мгновенно смешиваясь с дождем и

мутно-красными облачками,
сотканными из мельчайших капелек
крови...

Сознание не выдерживает этой
картины, в голове, в такт ударам пульса
бьется отчаянная мысль: "тебе не
выбраться отсюда живым, все кончено,
нет больше сил для надрывного бега"...
но усилившийся дождь рвет шлейфы
дыма, прибивает частички гари к земле,
и взгляду открывается расположенный
в десятке метров бронепластиковый
бастион, в амбразуре которого смутно
виднеются курящиеся паром стволы
перегретого от частой стрельбы
автоматического орудия и
копошащиеся за ним фигуры
человекоподобных машин...

Молниеносный взгляд на
контрольные дисплеи сразу же
отрезвляет рассудок. Встроенные
системы тяжелого вооружения

скафандра недееспособны:

"Тактическая ракетная установка — статус активна. Наличие боекомплекта — ноль".

"РКАП-20 — активирован, боекомплект — ноль".

Нет времени на медленные танцы, как любил говорить капитан Шевцов.

Мокрый ствол "абакана" резко идет вверх, теперь уже мысли безнадежно отстают от машинальной реакции тела, преданно вздрагивает электромагнитный затвор, ритмично выбрасывая тусклый поток горячих гильз. Первые пули, снабженные титановыми сердечниками, выбивают острую пластиковую щепу из закругляющегося бруствера переносного укрытия, прошивая его насквозь; рука тут же исправляет ошибку, и появившаяся в поле зрения голова андроида вдруг разлетается

вдребезги, выпуская искрящийся фонтан света из перерубленного оптоволоконного интерфейса; дальше следует рывок в сторону, и подствольный гранатомет издает очередь из трех хлопков, посылая термические гранаты по короткой траектории прямой наводки.

За узким разрезом амбразуры, внутри укрытия вспухает неистовый шар огня, и тут же начинают рваться боекомплекты, раскалывая бронепластиковый бастион на уродливые обломки, которые взмывают в воздух и катятся по земле, оставляя после себя причудливые, истекающие зловонным дымом расплавленные фрагменты...

Он вздрогнул и проснулся, всем телом ощущая мокрое прикосновение пропитанных ледяным потом простыней и бесконтрольные волны

нервной дрожи, мурашками
стягивающие кожу на затылке.

Во рту чувствуется знакомый
железистый привкус.

Несколько секунд Климов лежал
неподвижно, пока разум медленно
выпутывался из тенет провального сна,
потом, когда вязкая тишина и сумрак
чужой спальни окончательно
материализовались в ощущение
действительности, он вспомнил, где
находится, сел, брезгливым движением
отбросив мокрую простыню, и
машинально произнес:

— Свет.

Странно, но кибернетическая
система отреагировала на посторонний
для нее голос. Тускло вспыхнули
квадратные сегменты потолка,
оправленные в пластиковую имитацию
лепнины, и границы восприятия сразу
же раздвинулись до размеров

спальни...

Он мельком взглянул на снятый с предохранителя "абакан", лежащий на прикроватном столике.

Сознание двоилось, словно душа не могла решить, что воспринимать как данность — покой и полумрак помещения или холодно поблескивающий металлопластик автомата, на котором серыми разводами виднелись высохшие следы воды и грязи?

Кошмарный сон, сотканный из произошедших накануне событий, медленно отпускал, лишь мелко дрожали кончики пальцев, да во рту по-прежнему было сухо и противно.

— Включи душ и окно.

Компьютерная система мгновенно отреагировала на голос. За тонкой пластиковой перегородкой раздался шелест воды, а часть стены напротив

кровати внезапно утратила
непроницаемость, неожиданно
продемонстрировав панораму
огромного города, по многоуровневым
магистралям которого текли миллионы
огней от движущихся машин.

Земля...

Родная благословенная Земля, где
нет кошмарного ощущения
одиночества. Реалистичное контрастное
стереоизображение вызвало в душе
глухую боль.

Земля... — будто заклятие повторил
внутренний голос. Совсем недавно (по
меркам субъективного времени)
Климов мечтал покинуть ее, вырваться
из многомиллиардного муравейника,
ощутить простор иной планеты, но
теперь, после всего пережитого, он
вдруг начал впитывать каждой
клеточкой своего тела успокаивающий
пульс жизни...

Все познается в сравнении, люди не склонны воспринимать чужой опыт, и ему понадобилось лично взглянуть в бездонную чернь космического пространства, чтобы осознать пугающую пустоту Вселенной и научиться ценить незримое единство миллиардов людей...

* * *

Спустя десять минут он вышел из ванной комнаты.

Компьютерная система роскошного особняка, настроенная на привычки незнакомого Климову человека, уже приготовила кофе и убрала постель, спрятав кровать в вертикальной нише, за раздвижными облицовочными панелями.

Мельком взглянув в зеркало, он остановился.

Иван обманывал себя — ночной кошмар не ушел, лишь затаился на время за лихорадочным блеском глаз.

Он едва не рассмеялся в лицо собственному отражению.

Панорама земного мегаполиса, раскинувшаяся в глубинах электронного окна, скорее всего, являлась данью ностальгии либо обобщенным напоминанием о метрополии, а может быть, простой, ничего не значащей картинкой из набора стереослайдов — Климов понятия не имел, что за человек проживал тут до последнего времени...

— Погаси окно.

Экран потемнел, затем слился с фоном стены.

С тихим шелестом к ногам Климова подкатил низкий столик. Он взял чашку с кофе, обжигаясь, выпил его и подошел к дверям спальни.

Сбоку, в пяти сантиметрах от пола, к пластиковому косяку был прикреплен ультразвуковой передатчик невидимой для глаза электронной "растяжки". Взрывной заряд располагался по ту сторону дверей. Присев на корточки, он осторожно дезактивировал прибор, снял его с креплений и открыл дверь.

В доме царила глухая, ватная тишина. Отложив взрыватель, Иван вернулся в спальню за "абаканом" — автоматом, состоящим на вооружении Российских военно-космических сил.

Спустившись по лестнице в обширный холл, он увидел свой боевой скафандр, очищенный от грязи и подключенный к системе энергопитания. Рядом лежала его выстиранная форма, и недавний морок окончательно исчез, истаял, будто разом вернулась память...

"Сколько же я проспал?.." — Климов

помнил, как, оставшись один, он отбил внезапную контратаку андроидов, добрался до небольшого покинутого людьми поселения, зашел в первый попавшийся по пути особняк, понимая, что силы вот-вот окончательно оставят его. Нужно было дать отдых измученному телу, зарядить энергоблоки боевого скафандра, а главное — попытаться наладить связь. Но коммуникатор упорно молчал, и после нескольких безуспешных попыток связаться с кем-либо из десантных групп сил у Ивана хватило лишь на то, чтобы выбраться из перепачканной грязью бронированной оболочки, достать из технического отсека кабель подзарядки с универсальными разъемами и, подключив скафандр к локальной энергосети, подняться на второй этаж.

Он установил растяжку на входе в

спальню и, дойдя до чужой постели, рухнул на нее, чтобы провалиться в кошмарный сон.

Проспал он всего полтора часа.

Панорама земного мегаполиса, которую демонстрировало электронное окно, была не более чем иллюзией.

Сквозь прозрачные двери особняка он видел низкие, хмурые марсианские облака.

"Мне никогда не вернуться на Землю..." - пришла из глубин подсознания отчаянная, удушливая мысль.

Он отогнал ее прочь.

Надев форму, Климов осмотрелся, теперь уже внимательнее, и взгляд быстро отыскал покатый корпус бытового робота, который застыл в отведенной ему нише, изредка помаргивая зелеными индикаторами резерва.

"Ясно, значит, еще как минимум один такой же робот находится в спальном помещении, а все комнаты в доме соединены пневматической системой транспортировки". Ну, а как иначе объяснить, что его форма, снятая и брошенная на полу подле кровати, оказалась тут, тщательно выстиранная и отглаженная?

Посмотрев на скафандр, Иван присел на край стола. Внимательный осмотр экипировки, которую робот тщательно очистил от грязи, показал, что, кроме множественных выщерблин на бронепластинах, иных серьезных повреждений нет, но стоило задуматься: будет ли толк от четырехсот килограммов сервоприводной оболочки, если боекомплект встроенного оружия израсходован, да и система боевого поддержания жизни истратила все

метаболические препараты?

Не лучше ли идти налегке, полагаясь на собственные силы?

Рука машинально коснулась сенсора активации, расположенного за открытым забралом гермошлема, но шли томительные минуты, а коммуникатор, автоматически меняющий частоты связи, издавал лишь ровное фоновое шипение помех.

Климов коснулся другого сенсора, и броня послушно раскрылась, взвизгнув сервомоторами.

Он аккуратно отделил от внутренней оболочки свой бронежилет, затем освободил от магнитных креплений разгрузку, в клапанах которой покоились запасные магазины к "абакану", комплекты первой помощи, рационы выживания и три ножа — один универсальный и два метательных.

"Пойду налегке", — окончательно решил он, надевая бронежилет.

Связь отсутствовала, но это не означало, что он остался совершенно один. В атмосферу Марса одновременно погружались пять десантно-штурмовых модулей, на орбиту вокруг планеты в течение суток должен выйти крейсер "Светоч", значит, тишина в эфире вызвана чисто техническими проблемами.

Климов хорошо запомнил район, над которым был сбит их посадочный модуль. Сейчас, даже без карты, он мог предположить, что находится в семидесяти километрах от космопорта "Южный", на территории сектора освоения корпорации "Фон Браун". До границы Российского сектора километров двадцать, не больше.

"Буду прорываться к своим", — подумал Иван, перезаряжая

"абакан". — "Семьдесят километров — не расстояние, дойду".

Единственное, что угнетало и тревожило Климова, — это полное непонимание происходящего. Их взвод подняли по тревоге, без стандартной процедуры пробуждения от глубокого сна. "Светоч" в тот момент уже выдвигался к орбите Марса, и спустя два часа после экстренного пробуждения весь личный состав десантной роты уже был распределен по модулям и автономные аппараты один за другим отстыковались от крейсера...

Несомненно, офицеры знали, что же стряслось в колонии, но никто не доводил подробностей до личного состава подразделений.

Наверняка Климов знал лишь одно: точка сбора — космопорт "Южный".

...Десять минут спустя, подогнав

экипировку и еще раз проверив оружие, он вышел из приютившего его дома.

Стоял хмурый день. С небес моросил мелкий дождь. Влажный воздух Марса нес запах мокрой травы и далеких пожарищ.

Он повернулся и пошел по аллее, ведущей к массивным воротам усадьбы. Ему предстояла сложная задача: не только выжить, добраться до своих, но и выяснить, что же на самом деле произошло в колонии?

Часть 1. Колония.

Глава 1.

*Российский сектор освоения Марса.
Космопорт "Южный". 30 мая 2415
года по земному календарю...*

Космос неуловимо меняет наш разум

и душу.

Иннокентий Осипович Багиров подумал об этом, спускаясь по трапу челночного корабля, совершающего регулярные рейсы между орбитальной станцией "Фобос" и Российским сектором освоения Марса.

Пока "Буран М-110" совершал орбитальный, а затем атмосферный маневры, у Багирова было достаточно времени, чтобы вспомнить некоторые вехи общеизвестной истории, невольно сравнивая ролики, транслирующиеся по земным каналам сферовидения, с реальностью, что разворачивалась перед ним на информационном экране.

Если смотреть на современный Марс с орбиты, то не увидишь ничего, кроме пепельно-серой клубящейся облачности. Красная планета, как называли ее предки, давно изменила свой цвет, — причиной стали сотни

станций переработки атмосферы, которые на протяжении пятидесяти лет активной колонизации постепенно меняли климат, сначала создав, а затем постоянно поддерживая плотное покрывало серой, напитанной влагой облачности.

Изначально атмосфера Марса, на девяносто процентов состоявшая из углекислоты, была прозрачна, непригодна для дыхания и не могла удерживать тепло, отчего суточные колебания температуры на поверхности планеты совершали скачки в десятки, а иногда и сотни градусов по шкале Цельсия.

Неприемлемое место для проживания под открытым небом, но к началу двадцать третьего века освоение новых жизненных пространств из области мечты романтиков-одиночек перешло в плоскость суровой практики.

Нога Багирова впервые ступила на землю колонии, и в душе его что-то трепетно вздрогнуло — вокруг простирался совершенно незаурядный пейзаж. Космопорт "Южный" и прилегающая к нему местность напоминали кинохронику конца двадцатого — начала двадцать первого века. Терраформированные равнины Марса показались Багирову удивительно схожими со степями Казахстана, где располагался знаменитый "Байконур".

Сойдя с нижней ступеньки трапа, он остановился, оглядываясь по сторонам в поисках встречающих, однако не заметил никого, кроме пассажиров челнока, направляющихся к микроавтобусу.

Иннокентий Осипович пошел вслед за ними, мысленно поймав себя на машинальной задержке дыхания, —

инстинктивной привычке, от которой теперь можно будет избавиться хотя бы на время. Воздух Марса холоден, но чист, он не отравлен, как на старушке Земле, но ему, коренному жителю мегаполиса, пришлось сделать усилие, чтобы вдохнуть полной грудью...

Голова закружилась от запахов...

Багиров неторопливо направился к микроавтобусу, глядя на блестящие от осевшего утреннего тумана взлетно-посадочные полосы, изгибающиеся рулежные дорожки для "Буранов", невысокий бетонный забор, за которым по правую руку рос настоящий хвойный лес, а слева простирались бескрайние, теряющиеся в сиренево-серой дымке поля, засеянные разными сортами адаптированных к марсианской почве трав.

С одной стороны это казалось чудом,

райским уголком, который создан не вопреки, а благодаря природе. Не оскверненная кислотными дождями зелень без бурых пожухлых пятен ласкала глаз и одновременно настораживала разум. В голове почему-то роились воспоминания об исполинских, но уже перенаселенных орбитальных станциях, колючих искорках звезд и черноте расплескавшейся вокруг Бездны, которая неизменно подавляла рассудок своей бесконечностью.

Семьдесят миллионов километров отделяли его от дома, друзей, привычной жизни, и это знание подспудно давило на разум, как будто предупреждало: не расслабляйся, все очень обманчиво, прослойка жизни, посеянная на мертвых равнинах, еще непостоянна, тонка и капризна, а этот райский уголок имеет четкий термин,

его обозначающий, — колония.

Иннокентий Осипович уже давно не испытывал столько противоречивых впечатлений и чувств, сжатых в ничтожном отрезке времени и расстояния: две минуты и десяток метров, что отделяли его от дверей микроавтобуса, приоткрыли Багирову целый мир, из-под пасторальной маски которого прорывалось нечто хорошо знакомое, прижившееся на донышке памяти еще с тех пор, как он служил в Военно-космических силах России. Это было сродни ощущению темного, холодного, безжизненного взгляда, словно планета, носящая имя древнего бога войны, внимательно взираала на очередного пришельца, еще не решив, принять его в свое лоно или нет...

Микроавтобус плавно и беззвучно тронулся с места, набирая скорость. Мимо мелькали аккуратно

подстриженные газоны, их зелень выглядела такой сочной и яркой, что невольно подкрадывалась мысль: а не эрзац ли это? Но сладкий аромат, проникающий в салон через опущенное боковое стекло, тут же отметал сомнения — трава была настоящей.

* * *

Над зданием космопорта трепетал на ветру флаг. Российский триколор с добавлением логотипа колониальной администрации — тускло-красного шарика планеты, опоясанного четырьмя кольцами орбит — по количеству секторов освоения и соответственно земных государств-метрополий. Устремленная ввысь постройка, выполненная из стеклобетона, казалась массивной и в то же время какой-то полупрозрачной, изящной, —

классический неомодерн сочетал в себе прочность бетона и дымчатую полупрозрачность стекла, а заключенная внутри арматура приобретала вид произведения искусства, сплетая в глубине массивных стен изящное кружево стилизованных фигур.

В сочетании с панорамой лесного массива и зелеными участками газонов комплекс выглядел просто потрясающе.

Багиров еще не освоился с мыслью, что окружающие красоты никуда не исчезнут, и он сможет любоваться ими как минимум полгода, а если повезет, то и весь остаток жизни.

Он чуть ускорил шаг. Новые впечатления не освобождали от процедуры таможенного и паспортного контроля, к тому же за турникетом его наверняка ждут представители корпорации "Дитрих фон Браун",

которые, собственно, и наняли Иннокентия Осиповича для работы в колонии.

"Да, тут все удивительно, практически непостижимо с первого взгляда", — думал Багиров, пока офицер колониальной службы миграции проверял его документы и багаж.

Необычная для колонии профессия вновь прибывшего не могла не вызвать интереса со стороны проверяющего документы офицера, и он спросил:

— Вы прилетели к нам с целью получения работы? Это как-то связано с вашей профессией?

— Да, — кивнул Багиров, не видя причины скрывать очевидный факт. — Я археолог и прибыл по приглашению ведущей корпорации Евросоюза.

— То есть вы намерены заниматься раскопками?

Иннокентий Осипович пожал
плечами.

— Археологическими
изысканиями, — уклончиво ответил он,
не желая выдавать личной
неосведомленности.

— В "Фон Брауне" предполагают,
что на Марсе существовала разумная
жизнь? — искренне удивился офицер.

Багиров смог лишь развести руками:

— Я не владею этим вопросом. Мне
предложили выгодный контракт, и я
согласился. Будет ли толк от моих
изысканий, наверное, покажет время, а
о побудительных причинах спросите
вон у тех господ, за турникетом.
Думаю, они ждут именно меня.

Офицер покосился в сторону двух
молодых людей, которые успели
примелькаться еще до прибытия
челнока, и вновь повернулся к
Багирову:

— Почему вы прибыли через Российский сектор освоения? У корпорации есть свои межпланетные линии сообщения.

— Во-первых, я гражданин России, а во-вторых, меня торопили с прибытием, поэтому я воспользовался услугами "Росаэрокосмоса".

— Понятно. — Офицер еще раз взглянул на монитор компьютера, затем вытащил унифицированное удостоверение личности из сканирующего устройства и вернул его Багирову со словами: — Удачи вам. Будет сенсацией, если вы что-то обнаружите. Можете мне поверить, Марс никогда не был обитаем, — добавил он. — Я тут уже десять лет и еще ни разу не слышал, чтобы при терраформировании был найден хотя бы намек на какие-то артефакты.

Иннокентий Осипович машинально

кивнул в ответ. Он сам не до конца понимал истинную причину, по которой ему предложили работать в колонии. Марсианская археология — такое словосочетание резало слух вопиющим новаторством, но Багиров, прочитав условия контракта, все же согласился подписать его. Логика поступка была проста: он не рисковал ничем, его репутация в научных кругах могла приобрести разве что ореол чудаковатости, а вот возможность побывать в колонии, увидеть Марс своими глазами — такой шанс выпадал один раз в жизни, и рассчитывать на него могли немногие.

Ради такой перспективы стоило на время абстрагироваться от всех существующих теорий и заставить свой внутренний голос заткнуться.

Глядя на пятидесятилетнего ученого, сторонний наблюдатель видел

стереотипный образ: хорошо, со вкусом одет, чуть вальяжен, имеет деньги и репутацию, но все еще смотрит на мир со здоровым любопытством исследователя. По большей части такая оценка соответствовала истине, но в дополнение к сказанному Багиров обладал рефлексорной осторожностью, доставшейся ему в наследство от прошлого рода занятий, поэтому командировка на Марс не могла не вызвать у него подспудного ощущения тревоги и недосказанности. "Чего ради?" — настойчиво спрашивал внутренний голос, напоминая, что нет дыма без огня, да и корпорация "Дитрих фон Браун" никогда не бросает деньги на ветер.

"Вероятно, они что-то нашли, но держат это в строжайшей тайне", — подсказывала логика.

Иннокентий Осипович не позволил

разыгаться
воображению.

собственному

"Время покажет", — философски
рассудил он, проходя через турникет.

* * *

Два представителя корпорации
немедленно направились к нему, как
только Багиров миновал зону
таможенного контроля.

— Курт Штиммель, — представился
молодой высокий блондин в форме
службы внутренней безопасности "Фон
Брауна". "Истинный ариец", —
мысленно охарактеризовал его облик
Багиров. Вторым встречающим
оказался низкорослый итальянец,
одетый не так строго, как Штиммель:
легкая куртка, свитер, брюки,
спортивного вида обувь на толстой
подошве. Гардероб Роберто Маскани

(так отрекомендовался потомок гордых римлян) явно избежал внимания стилистов корпорации.

— Как долетели, господин Багиров? — задал Курт вежливый, риторический вопрос.

Иннокентий Осипович только пожал плечами.

— Много новых впечатлений, — ответил он.

— О, Марс будет долго удивлять вас... — интригуяюще произнес Маскани, но тяжелый взгляд Курта, брошенный на итальянца, заставил того прикусить язык.

— Иди, получи багаж, — распорядился Штиммель. — Прошу, господин Багиров, нас ждет машина.

Гадать, кто здесь главный, стало излишним, и Иннокентий Осипович спокойно последовал за Куртом.

* * *

Три часа езды по отличным, тщательно спланированным дорогам слились для Багирова в одно непередаваемое впечатление. Первый раз их остановили спустя сотню километров, на границе секторов освоения, но проверка документов тут была чисто номинальной, в конце концов, в колонии не существовало отдельных государств, по крайней мере, "де-юре".

В том, что фактическое положение вещей в корне не совпадает с общепринятым мнением, Иннокентий Осипович убедился, как только машина миновала контрольный пост российской стороны и оказалась в секторе освоения корпорации "Дитрих фон Браун", которая осуществляла свою деятельность на Марсе под

юридическим патронажем
Европейского союза.

Глядя в окно на проносящиеся мимо пейзажи, он не мог не заметить расположенные через каждый километр детекторы, фиксирующие любое транспортное средство, а в ухоженных лесопосадках от внимательного взгляда Багирова не укрылись замаскированные коммуникации в виде приземистых бронепластиковых укреплений, несомненно, соединенных между собой проложенными под землей ходами сообщения.

Подобная инфраструктура требовала внушительных затрат, и, учитывая, что деньги на ее создание выделяла частная компания, следовало предположить, что в колонии все далеко не так идеалистично, как преподносили рекламные ролики "Фон Брауна".

Высокие глухие изгороди,

окружающие шикарные особняки, расположенные на территории двух поселений, через которые им пришлось проехать, только усугубили впечатление, к тому же на въездах и выездах из населенных пунктов были установлены стационарные блокпосты, оснащенные средствами тяжелого вооружения.

Багиров обратил внимание Курта на многократную процедуру проверок, но тот лишь пожал плечами в ответ, произнеся как само собой разумеющееся:

— Для нас это не более чем формальность. Пара секунд задержки, пока сканер считывает данные идентификации.

— Такие меры оправданы? В колонии зреет противостояние?

Курт повернулся, с удивлением посмотрев на Иннокентия Осиповича.

— Вы смеетесь? Здесь кругом сплошная частная собственность. Думаете, наши клиенты платят деньги за то, чтобы им мозолили глаза всякие проходимцы?

— А что, бывает?

Штиммель лишь криво усмехнулся.

— Редко, — ответил он и добавил, глядя в сторону горизонта: — В двухстах километрах отсюда начинается граница сектора освоения новоазиатов. Настоящий бандитский клан. Надеюсь, вам не нужно растолковывать, что на самом деле представляют собой подразделения концерна?

— Нет не нужно, — произнес Багиров. — А как в таком случае действуют межгосударственные соглашения о разграничении зон освоения?

— Все соглашения остались на

Земле, Иннокентий Осипович, — терпеливо пояснил Штиммель. — За миллионы километров отсюда, — для большей вескости уточнил он. — Вы в колонии. Постарайтесь понять, что здесь большинство законов и юридических норм существуют скорее в базах данных посольств, нежели в реальности. Сектора освоения относительно невелики, и пока нота протеста преодолевает путь от передатчиков колонии до земных орбит, здесь может произойти немало неприятных событий.

— Значит, прецеденты уже были? — уточнил Багиров.

— Мелочи, — успокоил его Курт. — Но мы несем жесткие обязательства перед своими клиентами. Можно быть уверенным в себе, но не в других, поэтому существующая система безопасности сектора, на мой взгляд,

вполне оправданна.

Иннокентий Осипович откинулся на мягкий подголовник, глядя на проносящиеся мимо пасторальные пейзажи.

Относительно концерна "Новая Азия" его мнение совпадало с высказанными Штиммелем оценками. В молодости Багирову приходилось сталкиваться с азиатами.

"Интересно было бы узнать, какие отношения у "Фон Брауна" с Россией?" — подумал он, но вслух задавать вопрос не стал, тем более что машина уже миновала блокпост на окраине крупного административного центра.

Посмотрев сквозь лобовое стекло на широкие, тщательно ухоженные улицы, где непривычные взгляду двухэтажные дома утопали в зелени садов, он лишь заметил:

— Красиво. На Земле уже давно нет ничего подобного.

* * *

Земля. За год до изложенных выше событий...

В кабинете Майлера фон Брауна царил полумрак.

Шторы на окнах были плотно задернуты, панели потолка едва светились, создавая ровный мягкий сумрак без теней и темных углов.

За старомодным Т-образным столом сидел, сцепив руки в замок, семидесятилетний старик.

Майлер избегал смотреть на себя в зеркало. Несмотря на успехи медицины, которая, по выражению Дейвида Мошера, могла омолодить и поставить на ноги даже труп (главное, чтобы он не успел окоченеть,

посмеивался старый циник), фон Браун выглядел отвратительно.

Нервы. Три десятилетия он единолично правил мощнейшей корпорацией Евросоюза, вкладывая в нее в первую очередь свою железную волю, а уж во вторую — деньги. Финансовые вливания и личные качества Майлера помогли аэрокосмической компании, балансировавшей на грани банкротства, стать государством в государстве со своими корпоративными законами, силами безопасности (здесь губ старика коснулась легкая усмешка — он лучше других знал, что под обтекаемой формулировкой скрывается частная армия, включающая в себя и флот космического базирования).

Майлер не являлся потомственным фон Брауном — он принял разорившуюся на колониальном

проекте компанию из рук своей жены Кейтлин, правнучки знаменитого Дитриха.

Впрочем, не в этом суть. Он поднял корпорацию с колен, после того как Кейтлин умудрилась не только вбухать все активы в строительство никому не нужного колониального транспорта, но еще и нажить толпу кредиторов, которые грозили попросту уничтожить нового председателя совета директоров вполне обоснованными требованиями финансовой сатисфакции.

Он старался удовлетворить всех: кому-то платил, иные получали пулю наемного убийцы, третьи соглашались реструктуризировать долги, принимая доленое участие в новом проекте "Фон Брауна", где основная ставка была сделана на освоение безжизненных марсианских пустынь.

Три десятилетия назад Майлер верно

угадал перспективное направление развития, и пока Евросоюз, втянутый в астероидный кризис, вел ожесточенную борьбу за ресурсы с молодыми, наглыми и напористыми промышленными группами Новой Азии, он начал скупать по бросовым ценам бесплодные марсианские территории вместе с законсервированной на Красной планете техникой терраформирования. Евросоюз, погрязший в войне с азиатами, попросту не мог развивать колониальный проект, а когда ресурсы астероидного пояса были наконец поделены между сторонами, претендующими на их разработку, оказалось, что сектор освоения Марса, ранее принадлежавший Европейскому союзу, теперь на девяносто процентов перешел в собственность корпорации "Дитрих фон Браун" со всей техникой

терраформирования, установками атмосферных процессоров и прочим оборудованием.

Освоение Красной планеты получило новый мощный импульс. Никто не мог предположить, что частная компания способна в корне изменить колониальную политику, превратив сложные циклы терраформирования в доходный бизнес.

Как гласит древняя мудрость, все гениальное просто. В отличие от господствующих мировых держав, корпорация "Фон Браун" не стремилась к реализации проектов массового переселения. Майлер сумел добиться качественных перемен — он создал сеть элитных марсианских поселений, предназначенных для избранных.

Многолетняя, многотрудная борьба, постоянное скольжение по синусоиде взлетов и падений, напряжение будней,

не отпускавшее ни на минуту, жизнь, сжатая субъективной памятью в краткий миг бытия, и вот он стоит на вершине своего успеха — старик телом и душой, наделенный почти безграничной властью денег, а впереди — лишь пугающая пустота равнодушия, граничащего с отвращением к жизни.

В отчаянной борьбе он сумел совершить невозможное, но пропустил тот миг, когда начала обугливаться и сгорать душа, оставляя после себя пустую, одряхлевшую телесную оболочку.

Мысли фон Брауна не имели ничего общего с психическим недомоганием или старческим маразмом — он рассуждал так же твердо и логично, как прежде, но из его жизни ушел азарт, и сумрак огромного кабинета наиболее полно отражал внутреннее состояние

Майлера.

Он размышлял, относясь к себе столь же беспощадно, как к врагам и конкурентам, не делая поблажек собственному "я". Привычка трезво оценивать события, делать очевидные выводы из твердых фактов внезапно указала ему на пропасть, которая со всех сторон окружала покоренную вершину. Шаг в сторону означал падение, он слишком долго и тщательно возводил пирамиду собственного успеха, без жалости и угрызений совести бросая в ее основание судьбы и жизни многих людей.

Майлер едва слышно вздохнул, потянувшись рукой к сенсорной панели управления компьютерным комплексом.

Очередная сводка из колонии.

Он бегло просмотрел тексты

сообщений, отобранных и систематизированных для него кибернетической системой логической обработки данных.

Среди суточных отчетов, касающихся незначительных изменений в миграционной и общеполитической обстановке на Марсе, его внимание привлекло сообщение, которого он ждал вот уже несколько лет.

По оперативным данным, полученным из агентурных источников, в лабораториях концерна "Новая Азия" произведен тестовый запуск локальной сети, функционирующей на основе элементов, внедряемых в структуру кибернетических механизмов андроидного типа.

Внешне безобидное сообщение технического плана на самом деле таило в себе глубокий смысл.

Концерн "Новая Азия" являлся монополистом марсианского рынка робототехники. Кибернетическими механизмами, произведенными на заводах Новой Азии, были в буквальном смысле переполнены все без исключения сектора освоения Марса. О том, что азиаты оснащают своих роботов дополнительными модулями, не задекларированными ни в одной технической спецификации, Майлер знал давно. Специалисты "Фон Брауна" раскрыли это ухищрение еще полтора десятилетия назад. Служба внутренней безопасности корпорации сделала свои, далеко идущие выводы, и на стол Майлеру лег отчет, где недвусмысленно говорилось о вероятности использования бытовых человекоподобных машин в качестве ударной силы при возникновении вооруженного конфликта. По сути,

концерн, внедряя в свою продукцию тщательно скрытые сетевые модули, при посредничестве которых стандартное программное обеспечение кибермеханизмов могло быть в одночасье заменено на радикально иной софт, формировал "пятую колонну", способную решить любой конфликт в пользу своих производителей.

Осознав угрозу и тщательно проанализировав ситуацию, фон Браун не стал оглашать сделанное открытие и не отказался от закупок кибернетических механизмов. Майлер прекрасно осознавал, что тотальное включение дремлющей до поры сети может быть осуществлено лишь однажды, в том случае если руководство концерна придет к решению о необходимости вторжения в смежные сектора освоения Марса.

При таком развитии событий азиатов ждал неприятный сюрприз. Вся продукция концерна, закупаемая фон Брауном, проходила техническое переосвидетельствование, скрытые компоненты при этом не изымались, но в дополнение к ним устанавливались собственные программные модули, разработанные в лабораториях корпорации. После упомянутой операции любой кибермеханизм, получив сигнал по каналам скрытых сетевых устройств, автоматически прерывал связь с производителями, активируя программы, заложенные в него в лабораториях "Фон Брауна".

По сути, такой технический ход превращал скрытые сетевые устройства в обыкновенный переключатель, который не только предупреждал о начале агрессии, но и запускал систему противодействия, заставляя механизмы

защищать территорию корпорации от любых посягательств извне.

Тот факт, что в колонии рано или поздно вспыхнет вооруженный конфликт, не вызывал у Майлера никаких сомнений. Как сказано — он был прагматиком и не мог строить каких-то иллюзий относительно методов, которых придерживался конкурирующий концерн при освоении ресурсов дальнего Внеземелья. Эти методы однажды уже были продемонстрированы мировому сообществу во время астероидного кризиса.

По глубокому убеждению Майлера, глава семьи Ляо, досточтимый Цинь Хуань, объявленный на Земле персоной нон грата и заочно приговоренный судом Евросоюза к пожизненному заключению, прекрасно чувствовал себя на Марсе.

Его генеалогическое древо уходило своими корнями в эпоху коммунистического Китая, к лидерам научно-политической революции, замешенной на крутой волне патриотизма рядовых граждан, которые к середине двадцать первого столетия всемерно поддерживали курс руководства страны на противостояние с Соединенными Штатами Америки и скорейший прорыв в космос.

Цинь Хуань был чем-то похож на Майлера фон Брауна, он обладал такой же железной волей, трезвым рассудком, к тому же хорошо знал историю и понимал, что сегодняшнее положение дел в колонии является прямым наследием той эпохи, когда космос стал прерогативным направлением развития для многих стран мира. Стремительный прогресс новейших технологий вкупе с ресурсами огромной страны позволяли

его предкам проводить спланированную политику освоения космического пространства, пресекая настойчивые попытки третьих стран вмешаться в ход процесса.

Ни для кого не секрет, что к началу двадцать первого века режим Китая все еще оставался тоталитарным, несмотря на сильное давление со стороны мировых демократий. Всем поползновениям внешних идеологических врагов давал жесткий отпор культивирующийся в массах патриотизм, и потому главной разрушительной силой, в конечном итоге подточившей устои тоталитаризма, стало не политическое давление, а обратный эффект "экономического чуда".

Империя понемногу разлагалась под влиянием законов бизнеса — на протяжении столетия руководящая

верхушка постепенно превращалась в группу крупных предпринимателей, которым принадлежало девяносто процентов всех технологических мощностей обновленной Китайской Республики.

Новые поколения, неизбежно приходящие на смену старым, уже не так прочно держались за призрачные идеалы — скорее прагматики, чем амбициозные политики, они полностью признали власть денег, но не позволяли империи рухнуть, демонстрируя всему миру очередного колосса на глиняных ногах.

Сохранить и даже приумножить территорию великого азиатского государства помог здравый смысл молодых, энергичных и не отягченных принципами той или иной политической системы наследников первых лиц правившей партии.

Не желая разрушать созданное предками и дробить Поднебесную на множество мелких территорий, они сумели договориться между собой, провозгласив еще один этап новой экономической политики, по сути, разделив сферы влияния между семейными кланами, контролирующими различные области промышленности.

Семья Ляо получила в свое ведение космическую программу, одно из наиболее дорогостоящих и перспективных направлений развития.

На протяжении последующих столетий клан Ляо постепенно выделился среди других, осуществив несколько грандиозных проектов по освоению ресурсов пояса астероидов, колонизации Марса и добыче полезных ископаемых на Луне.

Финансовая прибыль, получаемая от

долгосрочных программ, породила закономерную, но отнюдь не новую в мировой практике ситуацию: группа лиц, связанных родственными узами и общими экономическими интересами, контролировала все космические программы, безраздельно властвуя за пределами земной атмосферы, в то же время де-юре, оставаясь неотъемлемой частью государства, с которым не могли не считаться мировые политические силы.

Как показала практика, дальний космос быстро ставит под сомнение законы, разработанные для земных условий сосуществования наций. Внеземелье стало вотчиной крупного бизнеса, и нетрудно представить, что вне радиуса лунной орбиты, на удалении в семьдесят, а то и в сто пятьдесят миллионов километров от метрополии, в полную силу начинал

работать закон джунглей...

Евросоюз первым испытал на себе давление со стороны азиатских промышленных групп и попытался активно противостоять процессу монополизации ресурсов пояса астероидов, однако это привело лишь к жесточайшим столкновениям между новоазиатами и европейцами в зоне дальнего космоса.

Концерн выдержал прямое вооруженное столкновение и, возможно, вышел бы победителем из астероидного кризиса, не соверши азиаты роковой ошибки, которая уже не раз на протяжении истории развития человечества останавливала далеко идущие планы мирового господства, вынашиваемые отдельными нациями или их особо обнаглевшими представителями. Силы Ляо в ходе затянувшегося противостояния с

Евросоюзом имели глупость совершить несколько рейдов в зону дислокации российских рудодобывающих комплексов.

В результате этой роковой ошибки Семья у победной черты была жестко остановлена Военно-космическими силами России.

В поясе астероидов был наведен относительный порядок, а Цинь Хуань вынужденно перебазировался на Марс, где его не могли настичь самые упорные преследователи.

Война в космосе обескровила Евросоюз до такой степени, что программу освоения колонии пришлось отдать на откуп крупному бизнесу — так в европейском секторе Красной планеты прочно обосновалась корпорация "Дитрих фон Браун", что до определенного момента вполне устраивало руководителей концерна

"Новая Азия".

Теперь ситуация вновь приближалась к опасной черте, но баланс сил за истекшие десятилетия значительно изменился, причем далеко не в лучшую сторону, если рассматривать его с точки зрения клана Ляо.

Потеряв в поясе астероидов большую часть космической техники, концерн не сумел восполнить утраченное. Зато на Марсе дела шли в гору, заводы по выпуску робототехники функционировали на пределе мощностей, обеспечивая постоянно возрастающие потребности колонии, и в этой связи Цинь Хуань все чаще задумывался — насколько оправданы его попытки восстановить позиции в поясе астероидов, учитывая, что Марс также богат полезными ископаемыми, а главное — сюда не распространяется власть его земных недругов и

гонителей.

Здесь перед главой Семьи вставал один весьма болезненный вопрос: пока концерн зализывал раны, полученные в поясе астероидов, молодой и энергичный Майлер фон Браун сумел создать собственную империю, полностью монополизировав европейский сектор освоения. Под контролем его корпорации оказалась не только прибыльная торговля терраформированными территориями, но и подавляющая часть перспективных месторождений естественных ресурсов планеты.

Имея такого конкурента, концерн оказался загнанным в узкие рамки отведенной ему роли — снабжать колонию всеми видами кибернетических механизмов, находясь при этом в жесткой зависимости от встречных поставок корпорации,

снабжавших производства сырьевыми ресурсами.

Ляо не устраивало такое положение вещей, он, успев осознать все преимущества обособленности Марса, втайне мечтал о полной, неограниченной власти над освоенными территориями планеты.

Некоторые шаги в этом направлении уже были сделаны.

Двух человек разделяла бездна космического пространства, но они ясно представляли себе друг друга.

Майлер, размышляя над полученным сообщением, не выдержав, закурил.

Сизый сладковатый дым прихотливыми змейками начал расползаться по кабинету, смешиваясь с сумраком.

События, назревающие в колонии, уже не подстегивали нервную систему, а лишь усугубляли ощущение

моральной пустоты и усталости. Нет, он вовсе не выдохся в этой борьбе, но в определенный момент из действий фон Брауна начал уходить азарт и постепенно наступило равнодушие, с которым было все труднее и труднее бороться.

По сути, в перспективе виделось два выхода: он мог прямо сейчас коснуться сенсора мобильного коммуникатора, и к его услугам тут же окажутся лучшие специалисты по биогенетике, каждый с мировым именем и астрономическими гонорарами. Они умели совершать чудеса, и через месяц-другой мир увидит помолодевшего Майлера, крепкого телом, но...

Здесь мысль останавливалась, будто перед внутренним взором вставала черная, непреодолимая стена.

Кто вернет ему душу? В чем найдет смысл жизни молодая телесная

оболочка с заключенным в ней разумом старика? Он достиг всех мыслимых вершин, и карабкаться дальше, прибавить еще пару миллиардов к своему состоянию не казалось ему достойной целью, тем более что с определенных пор капитал корпорации прирастал автоматически, сообразуясь с законами современного рынка и математическими прогрессиями удачных инвестиций.

"Любовь?.." — проскользнула на границе сознания шальная мысль, уводящая в сторону от сиюсекундных проблем.

Он уже почти не помнил, что это за чувство. Майлер всю жизнь использовал людей, и подобную привычку теперь не сломишь, да и не мог он позволить себе размениваться на любовные отношения — молодой или старый, он все равно оставался на том

вождеденном, но уже мысленно проклятом пятачке недосыгаемой для других вершины, где нельзя совершать резкие, необдуманые телодвижения.

Конечно, существовал еще путь бегства.

Он мог отойти от дел, пройти курс интенсивной генетической терапии и исчезнуть, раствориться, улететь на Марс, как делали это тысячи клиентов "Фон Брауна", — поселиться в собственном доме, окруженном невыразимо прекрасной лесопарковой зоной, спрятаться за табличкой с надписью "Private" и...

Он поперхнулся дымом и с раздражением погасил окурок в золоченой пепельнице.

Майлер всего дважды бывал на Марсе, но это не мешало ему со всей отчетливостью представлять существующее положение вещей.

Четыре сектора освоения Красной планеты, изначально расположенные вдалеке друг от друга, в последние годы значительно сблизились, обрели общие границы, вползая длинными, узкими клиньями в пространство предгорий. Марс — не Земля, в колонии царят иные законы, знаки и акценты там расставляются совсем по-другому... Американский сектор освоения постепенно мельчал пропорционально тому, как правительство Объединенной Америки теряло интерес к колониальной программе. Русские не делали резких шагов в освоении новых земель — они вели грамотно спланированную перспективную политику, рассчитанную на массовое заселение терраформированных территорий, когда знаменитые российские просторы станут тесны для нации. Пока ничего

подобного не происходило, и вряд ли подобное переселение будет осуществлено в ближайшее десятилетие, но Российский сектор освоения успешно развивался, к тому же русские обладали мощным космическим флотом, гарантирующим неприкосновенность существующих границ колониального владения.

Майлер привык рассматривать Россию как надежный буфер, предохраняющий частные владения клиентов "Фон Брауна" от наглых, напористых и плодовитых азиатов. Политика концерна "Новая Азия", проводимая на Марсе, мало чем отличалась от земной, за некоторым исключением — в колонии азиатов сдерживали три фактора: отсутствие мощного космического флота, прямое соседство России и частная армия корпорации, способная дать отпор

любимым поползновениям стремительно развивающихся "соседей".

Фон Браун прикурил новую сигарету, продолжая мысленный диалог с самим собой.

Что случится, если он решит отойти от дел?

Конечно, мир от этого не рухнет, но у него не было прямого наследника, такого же трезвомыслящего и решительного, как он сам. Этот факт приводил к неизбежному выводу — совет директоров корпорации не сможет избежать внутренних разногласий, и скрытая закулисная борьба примет откровенную, открытую форму. Это будет сказываться постепенно, но последствия интриг и амбиций в конечном итоге окажут разрушительное воздействие — так вода точит самые твердые породы камня, постепенно разрушая

неколебимые на первый взгляд скалы...

Майлер понимал, что не сможет полностью отрешиться от дела всей своей жизни, спрятавшись в тихой усадьбе на терраформированных равнинах колонии. Ему будет невыносимо жить, наблюдая, как медленно разваливается созданная им структура, теряя целостность, распадаясь на отдельные бизнес-проекты, что в конечном итоге приведет к удручающему финалу: сектор освоения корпорации будет в буквальном смысле разорван на части, изменятся принципы, в колонию начнут проникать не респектабельные граждане Земли, решившие удалиться от дел и провести остаток жизни в тишине и покое, а разного рода отребье, имеющее деньги, но еще не набившее себе шишек на лбу, с которыми приходит изрядная доля

взвешенности и жизненного опыта.

"Все полетит в пропасть, и я стану свидетелем катастрофического развала корпорации. — Внутренний вывод Майлера был, как всегда, сжат и категоричен. — Не знаю, как поведут себя русские, но азиаты не преминут воспользоваться случаем, — пояс астероидов ничему не научил их, лишь показал всему миру, с какой жадностью и легкостью они идут на откровенный захват чужих ресурсов..."

Взгляд на только что полученное электронное сообщение лишь подтвердил справедливость последних выводов. Испытания, проведенные в кибернетических лабораториях концерна, — это первая ласточка, предвестник скорых событий, и, улетев в колонию, он рисковал оказаться в эпицентре скоротечной войны.

Если корпорация не нанесет

упреждающий удар, клан Ляо может рассчитывать на успех, подсказывало Майлеру внутреннее чутье.

"Марс — не Земля..." — вновь мысленно повторил он. Семьдесят с лишним миллионов километров, разделяющих два мира, способны развязать руки кому угодно. Что может противопоставить метрополия внезапно вспыхнувшему территориальному конфликту в колонии? Пару боевых крейсеров? Но они не станут подвергать Марс орбитальным ударам — такая вопиющая глупость не придет в голову ни одному из самых тупоголовых политиков или военных, а десантные подразделения, базирующиеся на борту космических кораблей, едва ли наберут две-три сотни бойцов, при условии объединения усилий всех мировых держав. По сравнению с сегодняшним

населением Марса, это даже не горстка — меньше. Никто не сможет радикально повлиять на ситуацию. Как только в целостности "Фон Брауна" возникнет хотя бы одна трещина, извечные конкуренты не упустят шанс — они, вероятнее всего, не рискнут тронуть Россию, но тесное соприкосновение секторов в передовой зоне освоения позволит им осуществить вторжение на земли "Фон Брауна", минуя русских. Здесь, на Земле, конечно, поднимется солидный шум, полетят ноты протеста, но кто рискнет развязать третью мировую войну из-за передела собственности в колонии, ведь речь пойдет не о вторжении на территорию суверенного государства, — аннексии подвергнутся земли корпорации, которая многих попросту раздражает своей нарастающей мощью.

"Выходит, "Фон Браун" — это колосс на глиняных ногах? — невольно задал себе мысленный вопрос Майлер и тут же ответил на него: — Ничего не произойдет, пока моя воля скрепляет отдельные структуры, нивелирует амбиции подчиненных и не дает поднимать головы крупным акционерам. Но если я уйду, не оставив преемника, все рухнет".

А как хотелось уйти...

Цели достигнуты, сосущая пустота грядущего уже прочно поселилась в груди, и нет способа повернуть вспять безжалостное время, снова стать юным и дерзким, опять почувствовать резкий солоноватый вкус крови на треснувших губах, втянуть трепещущими расширенными ноздрями тонкий аромат горячего металла, с примесью ионизированного воздуха и режущего нервы запаха отработанных пороховых

газов...

Майлер погасил сигарету, повернулся вместе с креслом, намереваясь встать, и вдруг его взгляд остановился на карте марсианских полушарий, по которым, тесно смыкаясь в одной точке, тянулись постепенно сужающиеся клинья трех секторов освоения.

Сектор "Фон Брауна" светился красноватым фоном, позади лежало серое пятно американских земель, параллельно красному клину вытянулся зеленый — это русские, и, наконец, впритык к зеленоватому фону растеклось бесформенное желтое пятно — земли концерна "Новая Азия". На карте присутствовали сотни различных значков, обозначающих не только населенные пункты, но и промышленные объекты, — в колонии к сегодняшнему дню имелась развитая

промышленная база, разделенная по специализациям — "Фон Браун" лидировал в добыче полезных ископаемых и производстве тяжелой планетопреобразующей техники, российские ученые и немногочисленные поселенцы занимались в основном аграрными экспериментами, причем настолько успешно, что обеспечивали продовольствием фактически все население колонии, концерн "Новая Азия" исторически лидировал в сфере высоких технологий и серийного производства кибернетических механизмов, ну а на территории американского сектора до сих пор сохранилось множество мини-заводов самого различного профиля, оставшихся со времен серьезных колониальных амбиций американского правительства, которое заявляло, что

сделает национальный сектор освоения полностью самодостаточным.

Сейчас, судя по обилию и разнообразию значков, обозначающих те или иные инфраструктуры, на уровень самодостаточности вышла вся колония в целом, при условии объединенного, централизованного использования и перераспределения ресурсов.

На миг зрение Майлера смазалось, он вдруг увидел, что вся территория терраформированных земель от края до края покрыта сочно-красным цветом.

Секундный мираж породил дерзкую молниеносную мысль, которая, в свете здравого смысла, граничила с обыкновенным безумием, и разум машинально отторг ее, отнеся к разряду опасных афер...

Майлер на миг закрыл глаза, пытаясь избавиться от внезапного морока, но

сумрак, до сих пор окружавший его разум, отражающий состояние рассудка, самым неожиданным и неестественным путем вдруг принял знакомый багряный оттенок.

"Я, видно, сошел с ума... — подумал Майлер и вдруг услышал собственный голос, прозвучавший со знакомой иронией: — А может быть, ты нашел ответ на вопрос о смысле дальнейшей жизни?.."